

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)"08/16"

ЕВФИМИЙ ЧУДОВСКИЙ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПОИСКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

А. Г. Васильева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
a.g.vasiljeva4@gmail.com

Рассматриваются идеи Евфимия Чудовского, представителя грекофильского течения традиционалистской общественной мысли в России XVII в. Исследуются тексты, созданные в контексте идейных конфликтов последней трети XVII в. Анализируются аргументы, приводимые в пользу превосходства греческих образцов, а также попытки Евфимия применить идеи в своей практической деятельности – в переводе, исправлении, редактировании книг.

Ключевые слова: общественная мысль, традиционализм, грекофилы, Евфимий Чудовский, образование в России XVII в., перевод.

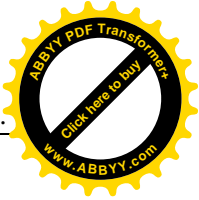
В общественной мысли России во второй половине XVII в. шел активный поиск ответов на исторические вызовы времени. Например, ревнители старины, выступавшие против контактов с иноверцами, в решении самых разнообразных вопросов (от бытовых до богословских и мировоззренческих), призывали руководствоваться исключительно национальным опытом. Грекофилы ориентировались на современные им греческие образцы, полагая, что оптимальный путь развития лежит через включение страны в более широкую общеправославную культурную традицию. Европейцы считали обоснованным разумное заимствование вне зависимости от конфессиональной принадлежности источника.

Для ревнителей старины и грекофилов идеал лежал в прошлом. Оба эти направления уместно назвать традиционалистами, понимая под традиционализмом «систематизированную совокупность утверждений о специфической ценности всего, что старо» [Шацкий, 1991, с. 378]. Традиция как комплекс взятых из прошлого идей, ценностей, образцов и представлений о прошлом является результатом отбора и конструирования. Традиционализм, декларируя преданность прошлому в целом, не принимает его полностью и опирается лишь на отдельные его элементы [Шацкий, 1991, с. 386]. Каждое из направлений отечественного традиционализма второй половины XVII в. конструировало собственную традицию, определявшую действия его представителей в настоящем и собственную линию преемственности от существовавшего в прошлом идеала.

Конкретное содержание традиции формулировалось в многочисленных идейных конфликтах середины – второй половины XVII столетия. Поводом для высказывания тех или иных традиционалистских идей были дискуссии по разнообразным, часто богословским или литургическим, вопросам (исправление церковных книг и обрядов в середине века; спор о времени пресуществления святых даров в 1680-х гг.; дальнейшее исправление церковных книг в 1680-х – начале 1690-х гг.; проблемы перевода Библии и др.). Религиозный дискурс также во многом определял риторику и накал дискуссий: споры велись в терминах спасения и гибели, ереси и истины.

В обоих течениях традиционализма важным поводом для формулирования собственных воззрений стал спор вокруг исправления церковных книг, обрядов и последовавший за ним церковный раскол. Ревнители старины – сторонники старых обрядов – считали исправление по греческим образцам неприемлемым и в контексте эсхатологических ожиданий однозначно воспринимали его как признак наступления конца света; грекофилы обосновывали необходимость исправлений возвращением к искаженному по неграмотности образцу.

Рубежом в истории раскола стал Большой собор 1666–1667 гг. Он осудил идеи сторонников старых обрядов, объявил неверными некоторые авторитетные для них тексты (житие Евфросина Псковского, послание к митрополиту Геннадию о белом клобуке, решения Стоглавого собора)¹.

Лидеры старообрядцев были сосланы, их сторонники преданы анафеме. Решения собора определили маргинальный статус ревнителей старины и их последователей, но конфликт не был исчерпан: в дальнейшем обеими сторонами был создан значительный корпус произведений, отстаивающих превосходство той или иной традиции.

Особенно важным для грекофилов было противостояние сторонникам западной, латинской, культуры. В последней трети XVII в. споры между грекофилами и латинствующими разворачивались по поводу перевода Библии и Кормчей книги, времени пресуществления святых даров, организации и структуры высшей школы в Москве и по другим вопросам.

Одним из самых ярких представителей грекофильского течения был Евфимий Чудовский, келарь Чудова монастыря, редактор, справщик, переводчик. Ученик и сотрудник Епифания Славянецкого, он с 1651 по 1659 г. был справщиком Московского печатного двора, затем келарем Чудовского монастыря. В 1670 г. снова прикреплен к правительству Печатного двора, где принимал активное участие в подготовке выходивших в это время книг. В 1690 г. был отстранен от sprawy и уехал, однако затем вернулся в Чудов монастырь в Москве, где остался келарем до своей смерти в 1704 г. [Исаченко-Лисовая, 1992].

Не все детали его биографии хорошо известны (так, неясны причины десятилетнего перерыва в деятельности на Печатном дворе, с 1659 по 1669 г.), однако именно этот человек принимал участие практически во всех интеллектуальных конфликтах последней трети XVII в. и активно отстаивал собственную точку зрения в каждом из них.

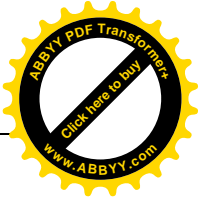
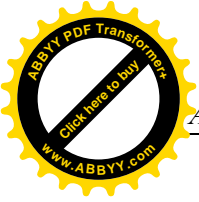
Внимание исследователей привлекали отдельные области его деятельности – перевод [Исаченко, 2009; Strakhov, 1998; Матхаузерова, 1976 и др.], участие в споре о времени пресуществления святых даров [Миркович, 1886; Панич, 2004 и др.], участие в исправлении церковных книг [Крылов, 2009; Никольский, 1896; Мансветов, 1883; Сменцовский, 1900 и др.], его поэтическое творчество [Панченко, 1973; Сазонова, 2006].

Исправление церковных книг, начатое патриархом Никоном, продолжалось при патриархе Иоакиме. В числе прочих в 1689–1691 гг. были изданы богослужебные месячные Минеи. Месячные Минеи содержат службы на каждый день года, в том числе торжественные службы на праздники, приходящиеся на тот или иной день месяца. Издание разделялось на 12 томов по месяцам, требовало значительной подготовительной работы, было достаточно объемным и дорогостоящим [Крылов, 2009, с. 131].

В 1683 г. была создана специальная комиссия по подготовке издания Минеи. Первые тома были напечатаны в 1689 г. Перед печатанием книги прошли еще несколько этапов проверки и редактирования, один из которых осуществлял Евфимий Чудовский [Крылов, 2009, с. 184]. Однако 17 июля 1690 г. указом царей Ивана и Петра Евфимий был отстранен от sprawy, так как «от тех же приписных ево евфимьевых нововводных странных речений которые в тех месячных минеях напечатаны многие люди сумневаются и в церквах божиих чинятся мятежи и их великих государей денежной казне от переделок убытки многие»². Г. Крылов в своей работе, посвященной исправлению Минеи, на основе анализа корректурных экземпляров и значительного числа документов Московского печатного двора реконструирует ход этой sprawy. По его мнению, озвученные указом «мятежи» и «убытки» были лишь поводом, причиной отстранения он считает личное неприятие самого Евфимия и его переводческих принципов если не коллегами-справщиками, то мирской и церковной элитой [Крылов, 2009, с. 197].

Во второй половине 1690 г. Евфимий написал трактат «О исправлении в предепечатанных книгах минеях неких бывших погрешений в речениях: и о по зависти диавольстей бывшей на тая исправления лживой клевете, и о препятии дела онаго святого»³, в котором изложил собственную версию событий и, что особенно важно, сформулировал принципы sprawy и перевода, которыми он руководствовался в своей работе.

Евфимий отстаивал необходимость исправлений, произведенных им в соответствии с греческими книгами, и аргументировал превосходство именно этого источника. Он считал, что греческий язык сам по себе является источником истины, поскольку это язык священных текстов: «И яко немощно есть на ином коем диалекте без еллинскаго совершенно богословствити, того ради и священный символ главизна веры наша сложися еллинским диалектом: и на всех синодах селенских святити отци излагаху догматы и уставы, и каноны вся еллинским диалектом»⁴. Поэтому переводить священные тексты нужно особенно тщательно, максимально близко к оригиналу: «И нетокмо ре-

чение лежаще во святом писании пренести не безбедно есть, но и само строчное препинание, запяту или точку не на подобающем месте положить, велику творит тщету, и разум писания растлевает»⁵. Евфимий повторил общий для грекофилов тезис: российские церковные книги были некогда переведены в точности с греческих, но затем в них по небрежности переписчиков накопилось много ошибок, и теперь они нуждаются в исправлении, в приведении в соответствие с греческим оригиналом и близким к нему древним славянским переводом, что и было сделано по указу патриарха Иоакима. Однако, описывая плачевное состояние исправляемых Миней, Евфимий сосредоточил внимание на грамматике: «Обретошася же в тех правленных книгах, неведомо по какому случаю, речения многая оставленная неисправлена, по грамматическому художеству во временах и лицах. Второго лица глаголы премножайшии, третиим лицом писаны, еже зело не лепо тако быти. Подобне и времена помешена, место настоящего прошедшее, место будущего настоящее, и иная место иных, и самая речения яже согласна обретаются в греческих и славенских харатейных рукописных, обретошася в етих книгах несоглашенна»⁶. Он последовательно и подробно разбирал конкретные примеры словоупотребления, согласования слов, постановки знаков препинания, случаи замены одного синонима другим, в отдельных ситуациях настаивая на «дословном» [Матхаузерева, 1976, с. 41], а то и «поморфемном» [Исаченко, 2009, с. 72] переводе.

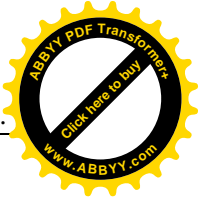
В «Книге...» Евфимий лишь сформулировал концепцию перевода, которой следовал. Т.А. Исаченко на основе анализа значительного корпуса переведенных Евфимием книг проследила реализацию этой концепции и пришла к выводу, что он стремился к «грецизации» на всех уровнях текста: «На уровне лексики данная тенденция реализуется в обильном и не всегда мотивированном притоке иноязычных слов, на уровне синтаксиса – в элементах греческого управления, греческой структуры фразы, на уровне акцентологии – в следовании греческой системе ударений в заимствованных словах, на уровне орфографии – в грецизирующем начерке, переходящем в пографемное воспроизведение облика заимствуемого слова» [Исаченко, 2009, с. 72].

В первой половине 1680-х гг. в Москве развернулась борьба вокруг открытия высшей школы в Москве. Взгляды латинствующих на организационную структуру, функции, программу предполагаемого высшего учебного заведения выражает «Привилегия на академию». Исследуя этот документ, Б.Л. Фонкич пришел к выводу, что он был создан Сильвестром Медведевым на основе разработок его учителя Симеона Полоцкого [Фонкич, 2009, с. 206]. Первая версия «Привилегии», подготовленная для царя Федора Алексеевича, была закончена в апреле 1682 г. Однако документ не был утвержден царем, а может быть, не был им рассмотрен [Фонкич, 2009, с. 216]. С небольшими поправками «Привилегия» была представлена царевне Софье Алексеевне в январе 1685 г.

«Привилегия» предполагала создание в России Академии, в которой изучались бы «науки гражданския и духовныя, наченше от грамматики, пиитики, реторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословии учащей вещей божественных и совести очищения» [Фонкич, 2009, с. 224], а также славянский, греческий, польский и латинский языки [Фонкич, 2009, с. 228]. По мнению Б.Л. Фонкича, «изложенная программа была аналогична программам учебных заведений, существовавших в Европе, Константинополе и на Украине в начале 17 в». [Фонкич, 2009, с. 207].

Грекофилы вряд ли были знакомы с «Привилегией», но, вероятно, знали о существовании этого документа и о том, что он готовился для представления царевне. Альтернативная точка зрения была сформулирована грекофилами в двух трактатах: «Рассуждение, учиться ли нам полезнее грамматики, реторики, философии, и теологии, и стихотворному художеству, и отуду познавати божественная писания или, не учая сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати? И [о том,] что лучше российским людем учиться греческаго языка, а не латинскаго»⁷ и «Довод вкратце, яко учения и язык еллиногреческий наипаче нужно потребный, нежели латинской язык и учения и чем ползует славенскому народу»⁸.

«Рассуждение...» было написано Евфимием Чудовским в конце 1684 – начале 1685 г. В нем он обстоятельно перечислял причины, по которым «греческий язык и учение того знати потребнее есть и полезнее по многим винам»⁹. Во-первых, славянский схож с греческим по начертанию букв, частям речи, лексике. Автор на конкретных примерах рассматривал детали перевода с одного языка на другой и пришел к выводу: «Зри, како согласен словенский язык со греческим, учаяся тому, не погрешит истины о богословии»¹⁰. Во-вторых, священные тексты первоначально были написаны именно по-гречески и с греческого переведены на славянский, т.е. греческий сам по себе яв-

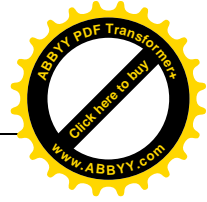
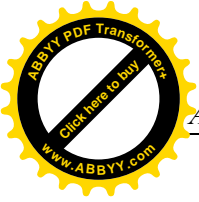
лялся носителем некоей божественной истины. Для автора язык неотделим от вероучения, соответственно греческий язык по определению православен, а латинский грешен: «Яко убо учение греческое наипаче в богословии истина и свет и яко латинское учение нам непотребно, довольно показаяся: нужно явити, яко латинское о богословии учение растленно и губительно и к прелести тех удобоотводительно»¹¹. Кроме отцов церкви Евфимий ссылался на Максима Грека и Епифания Славинецкого; упоминал издание «грамматики грекославенския» во Львове в 1658 г., цитировал грамоту об учреждении в России патриаршества, где говорилось о том, что московскому патриарху следует «быти во всем согласну и купночинну» с вселенскими патриархами, а «согласие и купночинность»¹² для него возможны только при совместном изучении славянского и греческого языков. Автор делает вывод: «Отвсюду благословение дадеся явленно, яко от Бога и архиереев, еже учитися славяном по-гречески»¹³.

«Довод вкратце, яко учения и язык еллиногреческий наипаче нужно потребный, нежели латинской язык и учения и чем ползует славенскому народу» датируется исследователями началом 1685 г. [Фонкич, 2009, с. 236]. «Довод...» демонстрировал большую осведомленность в «латинском учении» и, по мнению Фонкича, «явился результатом труда не одного Евфимия, но всей группы его сторонников» [Фонкич, 2009, с. 236]. В отличие от «Рассуждения...», в котором внимание сосредоточено на достоинствах греческого и недостатках латыни, в «Доводе...» внимание сосредоточено на том, что превосходство греческого признается самим латинским миром. В тексте приводятся свидетельства европейских историков (Цезаря Барония, Антония Поссевина и др.) о том, что «не токмо писма от греков, но и всякие книги церковные и гражданские, и всякие обычаи славенский народ от них принял и до сего дня ненарушимо держит»¹⁴, упоминаются античные авторы (Квинтилиан, Демосфен, Гораций и др.), говорящие о превосходстве греческого языка и учености. Греческие академии существовали во многих европейских странах, и после взятия Константинополя многие греческие ученые оказались в Европе «приедучи ворварю разыпали и искусство языком к нам приведоша»¹⁵. В целом же «сами латини во всех своих академиях и по се время, яко основание себе предлагают и вкупе учатся греческому и латинскому языку, зане иное основание, кроме греков во всех свободных учениях, хотя и много трудились, вымыслити не могут»¹⁶.

Впрочем, более значимо для Евфимия то, что древнейший перевод Ветхого Завета был сделан с еврейского на греческий, на греческом написан Новый Завет, «потом семь собори вселенские в Греции от греков наипаче святых отцов и собрани и правила их написаны; притом Символ православныя веры в первом Никейском соборе греческим языком издадеся»¹⁷. В целом же «Греческое учение большую славу причиняет, нежели латинское, понеже латинский язык общий и не так в чести, яко греческий»¹⁸.

Более подробно и основательно превосходство греческого перевода Ветхого Завета над латинским Евфимий отстаивал в другом тексте середины 1680-х гг. – «Обличение на гаждателей священного писания Библии преведенныя из еврейскаго на еллинский диалект богомудрыи мужы духа святого, и мудрости наполненными семдесят двема преводници»¹⁹. Вопрос о переводе Библии был актуален в Москве во второй половине XVII в. Изданная в 1663 г. Библия была напечатана с Острожской и содержала лишь незначительные обновления текста [Исаченко, 2002б, с. 79]. В 1673 г. по благословению церковного собора Епифаний Славинецкий с помощниками начал работать над новым переводом Библии, однако до своей смерти в 1675 г. не успел его закончить: Ветхий Завет не был переведен, а переведенный Новый Завет не был вычитан. Работа была продолжена в 1678–1679 гг., в том числе при участии Евфимия Чудовского [Исаченко, 2002б, с. 79]. Основные сведения об этой работе известны из записки, опубликованной Е. Болховитиновым²⁰. Автор текста указывает, что Новый Завет переводился «с книг греческих самых семидесятых преведения»²¹, перечисляет источники, которыми пользовались справщики, и людей, принимавших участие в этой работе.

Однако наряду с переводами с греческого в 1670–1680-х гг. был сделан ряд переводов отдельных частей Ветхого Завета на основе польских и латинских источников. В 1671 г. строитель Чудовского монастыря Моисей перевел Книгу Иова. Источниками для этой работы послужили перевод Библии с латыни на польский Якова Вуйка и перевод на латынь св. Иеронима [Исаченко, 2002а, с. 70]. В дальнейшем Моисей принимал участие в работе над переводом в коллективе Епифания Славинецкого. В 1680 г. в Верхней типографии вышла «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого, образцом которой послужил польский текст Яна Кохановского [Державина, 1982, с.

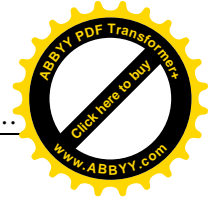

117].

Автор «Обличения...» не принимал переводы священного писания с польского варианта Якова Вуйка и латинского варианта Иеронима, противопоставляя их греческому переводу 70 толковников. «Неций человек, сущий греческого православия, приучившеса полского языка писмен знанию, начаша прочитати полския еретическия книги. И от неискства разума божественных писаний, чтуще библию преводу Иеронима и иезуита Иакова Вуйка, обретоша тамо написанныя хулы и укоризны, лживая на священную библию преводу богомудрых мужей семдесяти двух преводников, древле преведенную, силою и действием святаго духа, с еврейских на еллинский язык»²². Греческий перевод для Евфимия единственно верный. Во-первых, его создание сопряжено с явным вмешательством божественных сил: автор подробно пересказывал легенду о том, как 72 переводчика по приказанию Птолемея Филадельфа, находясь отдельно друг от друга, перевели Ветхий завет с еврейского языка на греческий совершенно одинаково. Автор утверждал, что именно этим греческим текстом пользовались апостолы и сам Спаситель и именно этот перевод использовался в дальнейшем всеми отцами церкви и Вселенскими соборами. «И от тояже книги семдесятных преводников и наша словенская библия. И аще где что и обрящется в нашей славенстей библии яковое несходство, или погрешение, (обретоется бо в неких местех) и тое исправляти подобает с тояжде греческия библии от преводников, а не с полских, ниже с латинских (по неких баснословию), понеже латинская библия преведеса иеронимом латинским учителем, с еврейских уже растленных книг»²³.

В 1680-х гг. Евфимий Чудовский вместе с Афанасием Холмогорским и братьями Лихудами участвовал в полемике о времени пресуществления святых даров. Ему принадлежат трактаты «Показание на подверг латинского мудрования»²⁴ и «Опровержение латинского учения о пресуществлении»²⁵, сборник «Остен»²⁶. Кроме того, он принимал участие в составлении сборника «Щит веры». Как и предыдущие конфликты по богословским и литургическим вопросам, спор о времени пресуществления был в значительной мере культурным конфликтом [Миркович, 1886; Панич, 2004]. Кроме собственно литургических и богословских аргументов и ссылок на имена и произведения святых отцов и богословов использовались и менее рациональные аргументы. Автор противопоставлял «разглагольство учителей православных ко учеником их, не от себе самих (яко zde) разглагольствуемое, но от св. апостолов и св. вселенских синодов и иных многих святых учителей древних богословов словесы и разуменми свидетелствованное и утвержденное»²⁷ «нынешним книгам, в Киеве печатанным»²⁸. В этом же споре снова поднималась проблема отношения к иностранным языкам и латинской культуре: в уста авторитетного для грекофилов Епифания Славинецкого вкладывалась резко негативная ее оценка: «Учащемуся кому латински и чтущему книги латинския, греческих неведущему, не можно во всем совершенно православно быти, яко Епифаний Славинецкий, иеромонах, муж многоученный еллински и латински, сказа Симеону некоему Полоцкому, о ученых латински точию, глаголя: "Иже училися точию по-латински, и чтут книги латинския, и оттуду о пресуществлении тайны святяты ехаристии и о иных неких неправо мудрствуют, не ведят бо истинны восточныя Церкви, заеже гречески не училися и книг греческих не чтут и того ради о сем истинны не ведят и пишут противно восточному православию и велми в сем грешат, держаще мысль латинскую от неведения"»²⁹. Завершением спора можно считать 1690 г., когда на церковном соборе была официально осуждена точка зрения латинствующих. Сильвестр Медведев, главный ее выразитель, был расстрижен и отказался от своих взглядов, его «Покаянное исповедание» включено в сборники «Остен» и «Щит веры». В 1691 г. он был казнен по обвинению в заговоре против царя Петра.

В послании патриарху Адриану, включенном в одну из редакций сборника «Щит веры», Евфимий Чудовский сформулировал свое отношение к латинской учености еще более жестко: «к сему вдашася ныне премноги детищи вместо благословенного святейшими греческими и всероссийским Иоакимом патриархом еллино-славенскаго учения латинскому учению, от него же ничесому быти благому надятися, кроме противности и рати на святыю Церковь»³⁰. Само противостояние с латинствующими он расценивал как борьбу истинной церкви с многочисленными ересями, и оружие в этой борьбе – книги авторитетных богословов. Автор перечислял переведенные им книги как древних, так и современных греческих авторов и обращался к патриарху с просьбой издать их: «Благоволи, государь, по своей архипастырской должности очеса слепым отверсти, и разум несмысленных светом воумления просветити, и ушесем глухих слово Божие внушити – предпоя-

ненные греческия новопреведенныя сятяя книги печатным тиснением издати и освященным му-жем подати, и противу им вооружатися, и ратовати я, а от них и их блядословий защищатися»³¹.

Таким образом, в идейных конфликтах последней трети XVII в. Евфимий Чудовский последовательно отстаивал превосходство греческих образцов. В рассмотренных нами концептуальных текстах Евфимий конструировал собственную традицию: выстраивал систему аргументов в пользу превосходства греческого языка над латынью, ссылаясь на труды богословов и историков. Однако свой главный тезис о том, что греческий язык по своей природе является источником истины и поэтому необходим, Евфимий стремился реализовать на практике. Об этом говорят значительное число и состав переведенных им текстов, характер переводов, а также специфика произведенных им исправлений в церковных книгах.

Традиционалист Евфимий декларировал возвращение к уже утраченному идеалу путем изменения существующего положения вещей, но в отдельных аспектах своей деятельности являлся большим новатором, чем осуждаемые им сторонники европейских образцов.

Примечания

¹ Деяние собора 1667 г. // *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1876. Т. 2. С. 220–221, 236.

² Мансветов И. Как у нас правились церковныя книги: Материал для истории книжной справы в XVII столетии (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883. С. 57.

³ Никольский К. Материалы для истории исправления богослужебных книг. Об исправлении устава церковного в 1682 г. и месячных миней в 1689–1691 гг. СПб., 1896. С. 57–135.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Там же. С. 79.

⁷ Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII в. М., 2009. С. 244–261.

⁸ Там же. С. 264–267.

⁹ Там же. С. 245.

¹⁰ Там же. С. 250.

¹¹ Там же. С. 258.

¹² Там же. С. 259.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 264

¹⁵ Там же. С. 265.

¹⁶ Там же. С. 266.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 267.

¹⁹ Отдел рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ), Синодальное собрание. № 285.

²⁰ Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1. С. 178–183.

²¹ Там же. С. 180.

²² ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 285. Л. 2.

²³ Там же. Л. 34 об.

²⁴ Прозоровский А. Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896. С. 432–434.

²⁵ Там же. С. 439–450.

²⁶ Остен. Памятник духовной письменности XVII века. Казань, 1865.

²⁷ Прозоровский А. Сильвестр Медведев. С. 440.

²⁸ Там же.

²⁹ Панич Т. В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII в. Новосибирск, 2004. С. 324.

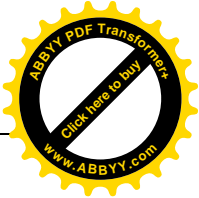
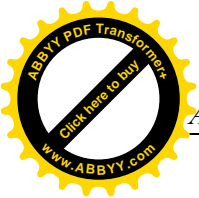
³⁰ Там же. С. 317.

³¹ Там же. С. 321.

Библиографический список

Strakhov O.V. The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The case of Evfimii Chudovskii (1620–1705). Koln, 1998.

Державина О.А. Симеон Полоцкий в работе над Псалтырью рифмотворной // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.

Исаченко Т.А. Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.): особенности языка и историко-литературный контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4.

Исаченко Т.А. Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания (Славинецкого) последней трети XVII в. Особенности перевода и языка // Вопросы языкознания. 2002. № 4.

Исаченко Т.А. Переводная московская книжность: Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009.

Исаченко-Лисовая Т.А. Евфимий Чудовский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч.1.

Крылов Г. Книжная справа XVII в. Богослужбные Минеи. М., 2009.

Мансветов И. Как у нас правились церковные книги: материал для истории книжной sprawy в 17 столетии (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883.

Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.

Миркович Г. О времени пресуществления св. Даров: Спор, бывший в Москве во второй половине 17 столетия. Вильна, 1886.

Никольский К. Материалы для истории исправления богослужбных книг. СПб., 1896.

Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII в. Новосибирск, 2004.

Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII в. М., 1973.

Прозоровский А. Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896.

Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1827. Т. 1.

Сменцовский М.Н. Вопрос об исправлении славянского перевода Библии во второй половине 17 в. // Прибавление к церковным ведомостям. 1900. № 28.

Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII в. М., 2009.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1991.

Дата поступления рукописи в редакцию 27.01.2015

EVFIMIY CHUDOVSKIY: INTELLECTUAL SEARCH IN RUSSIAN TRADITIONALISM IN THE LAST THIRD OF XVII CENTURY

A. G. Vasilyeva

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
a.g.vasilijeva4@gmail.com

The paper examines the main ideas of Evfimiy Chudovskiy, who was one of the most conspicuous Graecophiles in the last third of the 17th century. Russian Graecophiles, whose ideas were a trend of Russian traditionalism, followed the East Orthodox examples and were opposed to both Europeanists, who preferred the Latin ones, and to zealots of antiquity, who declared national experience as the basis. The author describes main problems, which made Evfimiy to write his texts and to prove the advantages of Greek traditions, and analyses his arguments. In his work “*Minei*” devoted to the correction of books, Evfimiy formulated the foundations of his translation from Greek to Slavic. He took part in the discussion on the problem of whether higher education in Russia should be based on Latin or on Greek traditions and tried to prove the superiority of Greek ones, as well as the harm of Latin traditions. He also wrote some texts on the translation of the Bible and took part in the debate on liturgical details, where he stated that the Greek sources were more suitable than the Latin and the Polish ones.

Key words: intellectual thought, traditionalism, Graecophiles, Evfimiy Chudovskiy, translation, education in the 17th century Russia.

References

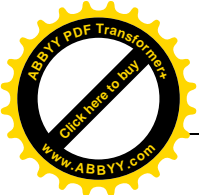
Strakhov O.B. The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The case of Evfimii Chudovskii (1620-1705). Koln, 1998.

Derzhavina O.A. Simeon Polotskiy v rabote nad Psaltyr'yu rifmotvornoy. *Simeon Polotskiy i ego knigoizdatel'skaya deyatel'nost'*. М., 1982.

Isachenko T.A. Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.): особенности языка и историко-литературный контекст. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2002. № 4.

Isachenko T.A. Novyy Zavet v perevode ieromonakha Chudova монастыря Epifaniya (Slavinetskogo) posledney trety XVII v. Osobennosti perevoda i yazyka. *Voprosy yazykoznaneya*. 2002. № 4.

Isachenko T.A. Perevodnaya moskovskaya knizhnost': Mitropolichiy i patriarshiy skriptoriy XV–XVII

vv. М., 2009.

Isachenko-Lisovaya T.A. Evfimiy Chudovskiy. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. SPb., 1992. Vyp. 3, ch.1.

Krylov G. Knizhnaya sprava XVII v. Bogoslužhebnyye Minei. М., 2009

Mansvetov I. Kak u nas pravilis' tserkovnyya knigi: material dlya istorii knizhnoy spravy v 17 stoletii (Po bumagam arkhiva Tipografskoy biblioteki v Moskve). М., 1883.

Matkhauzerova S. Drevnerusskie teorii iskusstva slova. Praga, 1976.

Mirkovich G. O vremeni presushchestvleniya sv. Darov: Spor, byvshiy v Moskve vo vtoroy polovine 17 stoletiya. Vil'na, 1886.

Nikol'skiy K. Materialy dlya istorii ispravleniya bogoslužhebnykh knig. SPb., 1896.

Panich T.V. Kniga «Shchit very» v istoriko-literaturnom kontekste kontsa XVII veka. Novosibirsk, 2004.

Panchenko A.M. Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka. М., 1973.

Prozorovskiy A. Sil'vestr Medvedev. Ego zhizn' i deyatel'nost'. М., 1896.

Sazonova L.I. Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya. М., 2006.

Slovar' istoricheskiy o byvshikh v Rossii pisatelyakh dukhovnogo china greko-rossiyskoy tserkvi. SPb., 1827. T. 1.

Smentsovskiy M.N. Vopros ob ispravlenii slavyanskogo perevoda biblii vo vtoroy polovine 17 veka // Pribavlenie k tserkovnym vedomostyam. 1900. № 28.

Fonkich B.L. Greko-slavyanskije shkoly v Moskve v XVII veke. М., 2009.

Shatskiy E. Utopiya i traditsiya. М., 1991.